

Зинаида Александрова:

Моем. правде. - 1998. - 25 июня. - с. 6.

Все серебро севера

ОНА ЖИЛА ГДЕ-ТО РЯДОМ

Владимир ПРИХОДЬКО

С тех пор, как умерла Зинаида Александрова (1983), прошло 15 лет. И я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь назвал ее имя. Как будто не было такого поэта. А тут вдруг на развале увидел ее книгу для малышей «Елочка» (издательство «Омега», худ. Ю. Исайкин). Яркую, веселую. Лишь одно огорчило: ни слова об авторе.

В 1-м томе КЛЭ, вышедшем еще при жизни Александровой, ей отвели десять строк. Какой-нибудь четвертый ряд. Мелочевка. Вспоминаю отзыв Бунина о Плещееве: «...Принято относить Плещеева к поэтам второстепенным, при сравнении его, например, с Некрасовым; но где мерка для разделения поэтов на разряды? Более прав на место первостепенного поэта имеет тот, кто долгие столетия в грядущих столетиях. А муза Плещеева никогда не утратит своего обаяния (...) В частности, поэт заслуживает величайшей благодарности за теплое отношение его детски-чистой души к детям».

Сказанное очень подходит к творческому образу Александровой. Я думаю о ней как о первостепенном поэте. Ее отличие от гениев и пророков XX века в том, что им специально хаотическое, трагедийно-разорванное сознание. А она обладала гармоническим складом души. Детски-чистой.

Одна из ранних книг Александровой называется «Биография песни» (1934). Есть ли у песни биография? За лучшими стихами просвечивает тот или иной эпизод судьбы. Открою наугад: «Сарафанчик», история платья для девочки. Сарафанчик с небом упал. Сначала - на узбекском поле - вырастили хлопок: «Там жара, как будто в печке./ На песке лежит верблюду./ В поле смуглые узбеки/ С ребятишками идут». Затем - фабрика: «Шумом, шелестом и звоном/ Вся прядильная полна./ Закружилась веретена./ Будто детская юла». Ситец готов, он гладкий, белый, но на сарафан еще не годится. Приходит художница, которая «немало/ Обошла полей

и гор/ И для ситца срисовала/ Яркий, радостный узор».

Все это Александрова знала не понаслышке: когда-то работала на ленинградской фабрике имени Халтурина - сперва ученицей, затем - сьемщицей: снимала с машин шпули с готовой пряжей; на шпиндели ставила пустые. Всю жизнь помнила первую зарплату: 17 р. 50 коп. Писала о себе в духе 20-х годов: «Я в белесой кудрявой пряже./ Я в прядильной сдружилась с нею». Обращалась к станку, одушевляя его: «Друг стальной, веселый, говорливый». Работала над «Сарафанчиком», побывала в цехах «Трехгорки», но наибольшее лирическое дыхание там, где кружат веретена ее отрочества. Ситец, как цветы, и цветы, словно ситец: «Щебетали счастливые птицы./ Будто струны, гудели шмели./ А лужайки цветные, как ситцы./ Сладко пахли и долго цвели» - это воспоминание о детстве. Именно Александрова так удачно написала о многообразии впечатлений, тающихся в слове «родина»: «Если скажут слово «родина»,/ Сразу в памяти встает./ Старый дом, в саду смородина./ Толстый тополь у ворот./ У реки березка-скромница./ И ромашковый бугор.../ А другим, наверно, вспомнится/ Свой родной московский двор».

Александрова родилась 3 декабря 1907 года (по новому стилю) в Петербурге: отец преподавал математику и физику в Знаменском училище. Мать - Конопляникова, карелка из Олонецкой губернии - работала фельдшерницей. Жила не в парадной части Питера, а в его бедном, деловом районе, на углу Глазовой, Разъезжей и Лиговки. Бабушка с трудом поднималась на 4-й этаж; гуляла с девочкой редко: это усилило ее привычку (или склонность?) к созерцанию. Из узоров морозного окна рождалась сказка. Первые попытки сочинять стихи связаны с посещением театра: писала пьесы, шила занавес, разговаривала за бумажных актеров. Событием становилась каждая книга, купленная матерью: от басен Крылова до лермонтовского «Демона» в дешевом издании Панафилиной. Навсегда за-

помнилась первая встреча с нарядным Невским, с Летним садом, с кладовскими конями на Анничковом мосту. Но самым большим праздником в детстве была весна.

Год резко делился на питерскую зиму с коптящими керосиновыми лампами и деревенское лето. Дачу снимали подальше, подешевле, в деревне, где река, лес, купание, грибы.

В общении и родстве с природой невадали от Ладоги, где вперемешку с русской слышится карельская речь, сложился характер.

Но к художественному осмыслению этого родства Александрова пришла долгим трудным путем.

Рано осталась сиротой. В 1919-м умер отец, в 1920-м мать: лечила сыпнотифозных больных и сама заразилась. Двенадцатилетняя Зина попала в детский дом (помещался в бывшем Павловском институте).

Здесь получила заряд коллективизма, научилась ценить дружбу. Принимала участие в самодеятельных вечерах, выпускала стенгазеты... Окончила семилетку, запоем читала.

Фабричные товарки послали ее стихи в журнал «Работница и крестьянка». Первая публикация. В 1928 году вышли две книги: «Фабричные песни» и «Полевой Октябрь». Первое стихотворение, обращенное к малышам, «Вечер на речке» - отдельным изданием в 1932-м, и тут же было переиздано. Стало песней: «Ветер дунул, обманул - и летят, как чайки, голубые трусики, беленькие майки». Всего у нее вышло не менее 80 книг, книжек и книжечек для детей. В отличие от Чуковского и Маршака, чьи сказки рассчитаны главным образом на городских детей, Александрова обращалась к деревенской метафористике, от стилизации фольклора. От модной в 30-е годы строфы, на которой, по замечанию Твардовского, «созвучия, как полуборванные пуговицы, держатся на одной ниточке». Примером послужило для нее некрасовское отношение к детской теме: «не дал ни единой сказки, предпочитая жанровые, бытовые сюжеты (...) хотя, казалось бы, русский фольклор давал ему неисчислимые возможности для создания фантастических сказок» (Чуковский). Дети у нее как дети и звери как звери: «Если кошка ходит - пусть! Если заяц - не боюсь!/ Если волк с медведем -/ Дальше не поедем!» Ее мишка - отпрыск некрасовского «Генерала Топтыгина»: «Мишка с дуба кувирком/ Шлепнулся на спину/ И вломился босиком/ В город муравьиный./ Рассердился муравьи./ Пятки жгут углями./ - Ну, теперь беги, реви./ Ябедничай маме!» Вот малышка представляет живых животных своему плюшевому зверю: «Ты не бой-

ся - это гусь. Я сама его боюсь!»

В 1935 году Александрова получила премию на конкурсе детской песни за «Гибель Чапаева». Ее похвалили Багрицкий и Аркадий Гайдар, который пел «Чапаева» на собственный мотив.

В первые месяцы войны жила в Москве. А семилетнего сына Илюшу отправила в эвакуацию - вместе с детским садом. В 1944-м в Детгизе вышла скромная черно-белая книжечка «Островок на Каме» (с силуэтами художника Н. Фидлера). Ключевое стихотворение «Прощание». Мать расстается с сыном: «Мальчик синеглазый,/ Веточка моя./ Так еще ни разу/ Не грустила я. (...) Дети страшных сказок/ слушать не должны:/ Грохота фугасок./ Топота войны. (...) Письма шли почасе,/ буквы не забудь./ Там почтовый ящик/ Будет где-нибудь...»

Это материнское стихотворение. Дети в эвакуации, в разлуке с близкими, - а было таких множество (и я в их числе) - чувствовали, что стихи обращены к ним.

Александрова писала для самых маленьких. На одной книжке стоит гриф: «Для дошкольного возраста». То есть от года до четырех. Итогом стал сборничек «Топотушки» (1971). Для того чтобы он возник, автору пришлось подружиться и познакомиться с собственной внучкой. Любование здесь сочетается с трезвой иронией: «Снимает Оля сапожки/ Сама./ Под краном помоем ложки/ Сама./ Уронит мамину чашку/ Сама./ В лапшу изорвет бумажку/ Сама./ В конфеты насыплет соли/ Сама./ Вот сколько у нашей Оли/ Ума!»

Главная героиня Александровой - маленькая северянка. Она называет ее просто - «северная девочка»: «Северная девочка/ Крикнула подругам:/ - Нам купаться холодно/ За полярным кругом!/ С самой мы купаемся/ В цинковом корыте./ Но про это мальчишкам/ Вы не говорите!»

Северяне знают цену теплу, умеют дорожить солнцем. В стихах оживают переходные поры года: от холода к теплу, от тепла к холоду. Ранней весной лиса проваливается в талый снег. Детский корабль в канавке отважен, как подснежник на прогалине. Робкого солнца достаточно анютиным глазкам. Не боятся заморозков золотые шары. Грустно расставаться с весной, но впереди лето. Стих звучит с особенной мелодичностью: «Потому что так много тепла./ Мне весны уходящей не жалко». Осень делится на две половинки: первая - нарядная, изобильная, вторая - поскумней, попроще. «Две половинки осенние.../ Пусть у второй бездорожье./ Чем-то она сокровеннее./ Чем-то она мне дороже./ ...Комнаты с мокрыми стеклами./ Голых полей паутины./ Дни, будто детские, блеклые/ Переводные картинки».

Почему мы не читаем этих прекрасных стихов? Почему печатаем однодневки, графоманскую белиберду?

Я познакомился с Александровой в 70-е годы. Она уже овдовела. Жила на Красноармейской. В хорошей чистой квартире, где хлопотала симпатичная Таня, домработница, истово обожавшая Зинаиду Николаевну.

Был у Александровой мягкий, ровный характер. Без капризности, которой отличалась Елена Благинина, наша общая любимица, также яркий, своеобразный талант. Без ядовитости остроумной Елизаветы Тараховской, младшей сестры знаменитой Софии Парнок (поэтесса начала века).

Она была сдержанной, неоткрытой, строгой. Но однажды рассказала, как в молодости ей обещал свою поддержку влиятельный Маршак, да потребовал за эту поддержку слишком большую для гордой женщины цену...

Думаю, поздние стихи Александровой - ее вершина. В книгу они не собраны. Люблю стихотворение «Серебро». Мальчишки нашли серебряный слиток, почерневший от времени. «Веками таился он в грунте сыром/ С тех пор, как рубили рубль топором./ Еще допетровский, еще не орлений/ Серебряный рубль под корягой зеленой». Допетровский - принадлежащий России пращуров (не изначальной, не поднятой на дыбы медным всадником. Слиток поразил воображение девочки: вот бы найти себе серебра на колечко. Девочка выросла, покинула родные края. Теперь она хочет вернуться домой: «Лечу я с гусями на север, на север./ Меня там не ждут ни золовка, ни деверь./ А ждут, если живы, подруги-карелки/ И с рыбой речной пироги-скороспелки».

Нет, не встреча с далекими родственниками влечет в дорогу - северянка, точно перелетные птицы, летит на свидание с детством. И север без промедления отдает ей свое серебро: водопад серебра в сетях рыбаков, над избами висит туман из капрона с серебряной ниткой. У старух под платками серебряная седина. Серебро в суровых скатертях, во щах со сметаной... Серебро - это блаженная тишина, которая нисходит на душу.

Серебро - развернутая метафора севера: «От юности бедной, от горького детства/ Я все серебро получила в наследство».

Была у девочки мечта о богатстве. И - подлинное богатство: любовь к топким болотам, где растет барышня-морозка, к розовому небу полночи.

Это и есть все серебро Зинаиды Александровой.

